

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.5>

Доронина Наталия Викторовна

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА
ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ В 1942-1943 ГГ.**

В статье анализируется особая культурная политика нацистов на временно оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг. На основе архивных документов показаны действия новой власти по развитию системы здравоохранения и образования, возрождению церковной жизни. В работе рассмотрены основные аспекты и реализация немцами театральной деятельности и киноискусства в городах и селах данного региона. На Северном Кавказе оккупанты рассчитывали на проявление лояльности к немецкому "новому порядку". Автором делается вывод о том, что проводившаяся нацистами социально-культурная политика получила одобрение у значительной части местного населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 34-38. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Высочков Л. В.** Николай I. Изд-е 2-е, доп. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
2. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 109. 1842 г. Оп. 1.
3. **Долгих А. Н.** Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX в.: в 2-х т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 1. 309 с.
4. **Долгих А. Н.** Об указе 2 апреля 1842 года: к истории крестьянского вопроса в России // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 1 (6). С. 12-21.
5. **Долгих А. Н.** Общественная реакция на указ 2 апреля 1842 г. (по данным российского жандармского ведомства) // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. К юбилею В. А. Алексеева. Липецк: ЛГПУ, 2012. Вып. 7. С. 148-154.
6. **Долгих А. Н.** «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историкографические очерки: в 2-х т. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 359 с.
7. **Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): дворянское общество и власть:** сборник документов: в 2-х т. / подг. мат., ввод. ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. Т. 2. 320 с.
8. **Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в.:** сборник документов и материалов: в 4-х т. / подг. мат., коммент. и ввод. ст. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. Т. 2. 371 с.
9. **Письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову (1-10 декабря 1847 г. Петербург)** // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Издательство АН СССР, 1956. Т. 12. Письма 1841-1848. С. 435-442.
10. **Покровский М. Н.** Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М. Н. Избранные произведения: в 4-х кн. / под общ. ред. М. Н. Тихомирова и др. М.: Мысль, 1967. Кн. 3. С. 7-558.
11. **Полиевктов М. А.** Николай I: биография и обзор царствования. М.: Мир книги; Литература, 2008. 336 с.
12. **Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869:** сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Российский фонд культуры; Российский архив, 2006. 704 с.
13. **Ружицкая И. В.** Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – СПб.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.
14. **Семевский В. И.** Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.: в 2-х т. СПб., 1888. Т. 2. 625 с.
15. **Сергеева Н. И.** Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с указом от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1965. Вып. 78. С. 22-49.
16. **Смоленские дворяне и обязанные крестьяне. 1846-1849** / сообщил И. В. Майнов // Русская старина. 1873. Т. 8. Декабрь. С. 910-939.

**ATTEMPT OF NICHOLAS I TO MONITOR THE RUSSIAN NOBILITY'S OPINION
ON THE PEASANT ISSUE IN THE 1840S**

Dolgikh Arkadii Naumovich, Doctor in History, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Adonli@yail.ru

The article is devoted to the poorly investigated in the domestic historiography problem – the attempt of Nicholas I to monitor the Russian nobility's opinion on the peasant issue in the 1840s, his efforts to receive feedback from the ruling class, which was not typical of the previous epoch. Applying to new, in particular, archival sources the author considers the issue of monitoring the Russian nobility's opinion about the decree of the so called “bound peasants” and reasons for its failure.

Key words and phrases: Russian autocracy; Nicholas I; bound peasants; Russian nobility; peasant issue.

УДК 9; 908

Дата поступления рукописи: 26.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.5>

В статье анализируется особая культурная политика нацистов на временно оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг. На основе архивных документов показаны действия новой власти по развитию системы здравоохранения и образования, возрождению церковной жизни. В работе рассмотрены основные аспекты и реализация немцами театральной деятельности и киноискусства в городах и селах данного региона. На Северном Кавказе оккупанты рассчитывали на проявление лояльности к немецкому «новому порядку». Автором делается вывод о том, что проводившаяся нацистами социально-культурная политика получила одобрение у значительной части местного населения.

Ключевые слова и фразы: «новый порядок»; повседневность; духовный мир; культурная политика; пропаганда; религиозный вопрос; здравоохранение; образование; отделы искусств; киноискусство; театральная жизнь.

Доронина Наталия Викторовна, к.и.н.
Пятигорский государственный университет
natalidor@mail.ru

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ В 1942-1943 ГГ.**

Повседневная жизнь и ментальность простых советских людей на оккупированных немцами территориях является крайне сложной и малоизученной темой. Все сведения, относящиеся к этому периоду, довольно

противоречивы. Важной отличительной чертой современного этапа развития историографии данной проблемы является наличие различных подходов: от приверженности к прежним трактовкам до нетрадиционной оценки понимания сущности процессов, происходивших на оккупированной территории. Повышенный интерес исследователей вызывают последствия оккупации в судьбах отдельных личностей, находившихся на захваченных территориях. Автор данной работы считает необходимым изложить основные аспекты культурной политики нацистов и ее влияние на население данного региона, что особенно актуально к 75-летию юбилею битвы за Кавказ.

С начала августа 1942 г. и до октября 1943 г. большая часть территории Северного Кавказа находилась в немецкой оккупации. Данный регион гитлеровцы хотели сделать лояльным и образцовым по отношению к «новому порядку». Надо отметить, что на занятых вермахтом территориях сохранялась власть военной администрации. Оккупационные органы власти возглавлял военный комендант, его полномочия распространялись на военно-полицейскую, хозяйственную и, в частности, культурную сферы деятельности. Немецким комендантам подчинялась местная гражданская администрация – городские и районные управы, сельские и волостные управления. Работой управы руководил бургомистр, ему подчинялись сельские старосты. Все распоряжения и приказы бургомистра являлись обязательными для населения.

Районные управы состояли из нескольких отделов: земельного, жилищного, дорожного, строительного, коммунального, просвещения, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения и др. Также существовали отделы науки и искусства, которые занимались налаживанием культурной жизни гражданского населения оккупированных территорий. В частности, Пятигорская городская управа имела 11 таких отделов. В городской управе Ставрополя дополнительно существовали отделы благоустройства, науки и искусства. Надо отметить, что весь штат сотрудников гражданской администрации городов Северного Кавказа в период оккупации в основном составляли представители местного населения.

В структуру немецкой администрации по управлению завоеванными землями Северного Кавказа входил отдел пропаганды «Кавказ», его возглавлял доктор Э. Т. Шулле. На учреждение возлагались задачи обеспечения лояльности населения и создания социальной опоры режиму. Для выполнения этой задачи использовались различные средства и методы пропаганды. Радиовещание велось ежедневно с 7.30 утра и до 21 часа, помимо служебных целей, много времени уделялось немецкой бравурной и русской классической музыке. Немецкая пропагандистская машина массовыми тиражами издавала брошюры, листовки, журналы и газеты. Всего на Северном Кавказе издавалось 45 наименований газет [5, с. 256], на Ставрополье и Кубани – 20 [10, с. 88]. Газеты печатным словом были призваны содействовать «новому режиму», они пытались представить нацистов «освободителями и благодетелями». Оккупационная пресса с немецкой скрупулезностью демонстрировала преимущества немецкого «нового порядка», который обеспечит каждому человеку сытую и спокойную жизнь.

В целях идеологической обработки населения в прессе печатались различные жанры литературных произведений. В Ставропольских газетах «Ставропольское слово», «Русская правда», «Утро Кавказа» публиковались материалы, перепечатанные из недавно вышедших на Западе произведений И. Солоневича «Россия в концлагере», К. Альбрехта «Власть Сталина» и «Измена социализму». Они, как и фельетоны А. Е. Капрадова, повести П. Бойко, очерки Ю. Чекалина, статьи М. Г. Земцова и рассказы Б. Н. Ширяева, обличали сталинский режим и выражали оптимизм в связи с немецким «новым порядком». Историко-краеведческие темы поднимали в своих статьях Н. Лучник и Л. Н. Польский. Освещались в газетах и вопросы культурной жизни, например, об открытии музеев, клубов, театров, афиши кинотеатров.

Территории Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг. немецкие власти избрали для проведения особой социально-культурной политики. Именно здесь оккупанты рассчитывали найти поддержку у тех слоев и групп населения, которые были недовольны советской властью. В городах и в сельских населенных пунктах данного региона осуществлялись различные мероприятия социально-экономического характера, которые способствовали поддержанию уровня жизни простых людей на достаточно приемлемом уровне. Возобновили работу промышленные предприятия: судя по публикациям в оккупационной прессе, в Ставрополе работало 61 предприятие [15], в Пятигорске – 40 [11, с. 55].

Гитлеровцами была объявлена свобода предпринимательства, открывались магазины и мастерские, кофейни и ресторанички, варьете и бильярдные. Отличительной особенностью всех оккупированных городов стали многолюдные базары и рынки. Немецкие власти занимались трудоустройством оставшегося без работы городского населения. Нацистская пропаганда уверяла население в скором осуществлении аграрной реформы и переходе от колхозов к единоличному крестьянскому хозяйству. Уже в августе 1942 г. на улицах Краснодара появились плакаты, изображающие русского крестьянина со снопом в руках и надписью: «Фюрер дал мне землю» [8, с. 460].

Религиозный вопрос стал важным инструментом культурной политики оккупационной власти. Надо сказать, что на Ставрополье и Кубани немцы проводили своеобразную религиозную политику, которая отличалась большой лояльностью. В религии гитлеровцы видели мощный противояд коммунистической идеологии и довольно умело использовали в своих интересах репрессивную антицерковную и, в том числе, антиисламскую политику большевиков. На страницах оккупационных газет всячески подчеркивалось, что «новый режим» несет народам СССР религиозную свободу. Оккупационные власти проводили различные мероприятия, направленные на возрождение церковной жизни: уважительно относились к различным конфессиям и религиозным сектам, распространенным на Северном Кавказе, открывали храмы и мечети, завозили предметы культа. К примеру, в Ставрополе православные румынские офицеры пожертвовали на восстановление Андреевского собора более четырех тысяч рублей и подарили настоятелю храма ладан

для совершения таинства крещения. В Ставропольском крае за время оккупации открылось 127 церквей и молельных домов [3, д. 16, л. 91], в Краснодарском – 229 храмов, из них – 192 тихоновского и обновленческого направлений [Там же, д. 14, л. 41]. Повсюду открывались мечети, отмечались мусульманские праздники, разрешалось ношение национальной одежды. Оккупационные органы распространяли среди горцев отпечатанную в Германии газету «Газават» и экземпляры Корана.

Немецкие власти принимали активное участие в религиозной жизни: наладили выпуск церковной литературы, открывали воскресные школы по подготовке священнослужителей, ввели преподавание богословия в начальных классах, печатали религиозную литературу и церковные периодические издания. Например, в Краснодаре для нужд верующих с октября 1942 г. еженедельно по воскресеньям стал выходить специальный листок «Церковная жизнь» [7]. Местные власти упорядочили участие церкви в проведении гражданских актов – крещения, венчания и отпевания. Ставропольский церковный хор получил возможность исполнять на своих концертах «Реквием» Моцарта, «Литургию» Чайковского, «Коль славен» и «Молитву» Бортнянского, «Христос воскрес» Рахманинова. Надо отметить, что религиозный вопрос стал важным духовным инструментом в немецкой пропаганде на завоеванных территориях.

Для привлечения местного населения оккупационными властями в качестве специальной программы была разработана и проводилась социальная политика. Немецкая администрация осуществила ряд мероприятий в области санитарного дела и медицинского обслуживания местного населения. В частности, медицину стали переводить на платную основу, не устраняя, впрочем, и бесплатное здравоохранение для малоимущих слоев городского населения. В ведении отделов здравоохранения находились все медицинские учреждения городов. Надо сказать, что частная медицинская практика получила широкое распространение практически во всех оккупированных немцами городах Северного Кавказа. В рубрике «Медицинский справочник города Пятигорска» местная газета писала, что свои услуги населению предлагали 11 врачей шести специальностей [12]. В городе работали аптеки, две поликлиники, детская амбулатория, туберкулезный диспансер [4, д. 5, л. 4].

В Ставрополе функционировали больницы, роддом, поликлиники, диспансеры, противочумный институт. Большой популярностью пользовалась частная клиника хирурга ортопеда-травматолога М. С. Макарова, где он делал сложнейшие операции по костным ранениям. По решению городской управы Анапы заведующей всеми лечебными учреждениями города и аптекой была назначена доктор В. А. Антонова, известный хирург-гинеколог [2, д. 1, л. 1]. Оккупационная власть внимательно следила за санитарным состоянием городов, рынков и местного населения, уделяла внимание противоэпидемическим мероприятиям.

«Новый режим» должен был принести народам Ставрополя и Кубани свет образования и культуры. Система образования рассматривалась как один из важнейших каналов влияния на население. Отделы просвещения и образования старательно принялись проводить политику воспитания подрастающего поколения в духе лояльности к нацистскому режиму. Они составляли учебные программы, готовили здания к учебным занятиям, вели учет педагогических кадров. Была установлена структура образования, в которую входили: начальные школы и высшие начальные училища, средние учебные заведения (реальные училища и гимназии) и высшие – университеты.

Следует отметить, что в оккупированных районах Ставрополя и Кубани в основном получило развитие начальное образование, оно было обязательным и платным. К примеру, на Ставрополье большинство школ, 192 из 220 открытых немцами, были начальными четырехклассными [14, с. 83]. В сельской местности стоимость обучения составляла в 1-м классе 20 рублей в месяц, во втором – 30, в 3-м – 40, в 4-м – 50 рублей [9, с. 282]. Неполных средних школ или семилеток на Ставрополье было открыто 13, а средних школ, получивших название гимназий, – 5 [14, с. 83]. Гимназии открывались только в городах, обучение в них составляло 300 рублей в год. В ремесленных училищах подростки обучались специальностям токаря, слесаря, кузнеца, электромонтера, формовщика, столяра и др. Для многих учеба в училище стала единственной возможностью не быть насильно отправленным в Германию.

Работали в период оккупации и высшие школы. Помимо пропагандистской, эта акция имела и практическое значение. Новой власти требовались грамотные специалисты с высшим образованием. Так, в Пятигорске в сентябре 1942 г. к учебе приступили студенты медико-фармацевтического института. Его штат составили эвакуированные преподаватели и ученые Днепропетровского фармацевтического и Ленинградского медицинских институтов. Все его сотрудники регулярно получали зарплату и продовольственный паек. Еще один медицинский институт был открыт в Ставрополе, а на его базе – медико-аналитическая лаборатория. В сентябре 1942 г. в Ставрополе возобновил работу сельскохозяйственный институт, он выпускал свою собственную газету и даже издал книгу – «Краткое руководство по сельскому хозяйству Северного Кавказа» [16].

На торжествах по случаю открытия школ, училищ и гимназий служили молебны, присутствовали бургомистры и представители комендатуры. Все преподавание в школе было проникнуто антибольшевистской и антисоветской направленностью. Зато в планы входило изучение биографии Гитлера и уважение к германской армии-избавительнице. Из программ по литературе исключались «вредные» произведения русских, советских и еврейских писателей. Также предусматривалось создание новых учебников по истории. Надо отметить, что в сельской местности учителя зачастую продолжали учить детей по прежним программам и учебникам.

Следует отметить, что успешному функционированию системы образования способствовали не эвакуированная материально-техническая база и учительский состав учебных заведений региона. Учителей оккупационные власти пытались привлечь к работе, в том числе и материальными стимулами. До работы в школе допускали преимущественно тех, кто получил педагогическое образование до революции. Также все учителя

заполняли специальную анкету и проходили в полиции тщательную проверку на лояльность нацистскому режиму. Необходимо было пройти курсы лекций на следующие темы: «Культура Германии», «Народное образование в Германии», «Что такое национал-социализм», «Биография Адольфа Гитлера». На Ставрополье в немецких школах согласились работать около одной тысячи учителей из 12 тысяч работавших до войны.

Исследователям еще предстоит проанализировать духовный мир и ментальность школьников, их психологическую адаптацию к условиям оккупации. Необходимо отметить, что часть жителей под разными предлогами уклонялись от обучения своих детей в школах. Причинами были стремление к сопротивлению оккупантам, палочная дисциплина, высокая плата за обучение, отсутствие денег на обувь и одежду.

В отличие от других оккупированных советских областей, на Северном Кавказе предполагалось ввести в качестве повседневного немецкий язык. Во многих городах Ставрополья и Кубани для детей и взрослых организовывались курсы по изучению немецкого языка, а также по подготовке переводчиков. Газета «Пятигорское эхо» сообщала: «На курсах немецкого языка обучается 1138 человек» [13]. Газета «Кубань», издававшаяся в оккупированном Краснодаре, отмечала, что «в трех районах немецкому языку обучается свыше 800 человек» [6]. Для детей немецкого происхождения в некоторых районах открылись специальные школы с преподаванием на немецком языке.

В период оккупации Ставрополья и Кубани пропагандистские службы германской администрации активно развивали кино и театральное искусство. Министр пропаганды Третьего Рейха доктор Йозеф Геббельс считал кино мощным орудием манипуляции общественным сознанием, способным влиять на массы и изменять их образ мыслей. Благодаря заботам оккупационных властей на юге России в краткие сроки была возрождена киносеть. Так, в Краснодаре оккупанты возобновили работу четырех кинотеатров («Кубань», «Великан», «Солей» и «Колосс»), последний обслуживал исключительно немцев. Приступили к работе кинотеатры и в других городах и станицах Кубани: г. Ейске, станицах Пашковской и Ахтарской. В Ставрополе оккупационная власть восстановила деятельность ранее существовавших кинотеатров, а в Пятигорске, помимо существующих («Глория», «Прогресс», Горячеводский), открыла новый – «Европа».

Была создана администрация кино, она состояла из шефа кино и его помощника и контролера за работой над кинотехникой. В среднем показывали 2-3 сеанса, они начинались в 12, 14 и 16 часов. Оккупационные газеты с восторгом отзывались о немецкой хронике еженедельного обозрения «Дойчевохеншау», которая в идеологических и пропагандистских целях освещала военные действия несокрушимой немецкой армии. Данная хроника обязательно показывалась в начале каждого сеанса. Помимо хроники, обязательно крутили культурный фильм идеологического содержания, он описывал борьбу немецкой армии с советскими сотрудниками госбезопасности и партизанами. Отдельную ветвь кинопропаганды занимали фильмы, которые показывали жизнь немецких людей в новой Германии, например, «День немецкого Рабочего», «Фюрер и его народ», «Мы едем в Германию!». Данные фильмы предназначались для агитации потенциальных рабочих на работы в Германию и вступление в коллаборационистские формирования вермахта.

Из художественных фильмов в репертуар кинотеатров входили советские довоенные киноленты и старые советские картины: «Волга-Волга», «Дети капитана Гранта», «Дубровский», «Семеро смелых», «Трактористы», «Таинственный остров», «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится», «Аринка», «Моя любовь». Из немецких фильмов показывали мюзиклы «Алло, Жаннин» и «Кора Тери», оба с прекрасной Марикой Рёкк, мелодраму «Бель Ами» с любимой актрисой фюрера, русской эмигранткой Ольгой Чеховой. Демонстрировались и американские фильмы. Так, Краснодарская кинопрокатная контора выдала для демонстрации в кинотеатрах края мюзикл «Большой Вальс», комедию «100 мужчин и одна девушка» [10, с. 96].

Кинотеатры, работавшие в период оккупации, можно разделить на две категории. В одних демонстрировались только немецкие фильмы, в том числе самые новые. Их посещали главным образом немецкие военнослужащие и чиновники. Хотя по специальным пропускам и талонам в такие кинотеатры могли ходить и местные жители, все фильмы были снабжены надписями-переводами на русском языке. И это тоже был один из действенных приемов немецкой пропаганды, демонстрировавшей немецкий образ жизни. Другие кинотеатры могли посещать все желающие.

Отдел пропаганды «Кавказ» всячески способствовал возобновлению работы театров, музеев, библиотек и других очагов культуры. В частности, осуществлялось содержание художественных коллективов за счет отдела пропаганды и городских управ. При отделах науки и искусства были организованы концертно-эстрадные бюро, где должны были зарегистрироваться артисты. Репертуар театров подвергся соответствующему пересмотру и утверждению оккупационными властями. Основную часть репертуара составляли произведения дореволюционных русских писателей и драматургов. Так, в драматических театрах оккупированных городов Ставрополья и Кубани ставили: «Без вины виноватых», «Преступницу», «Детей Ванюшина», «Даму-Невидимку», «Гамлета», «Бесприданницу», «Тетку Чарлея», «Даму с камелиями», «Зазу», «Каширскую старину», «Коварство и любовь». В краснодарском театре «Колосс» 13 августа 1942 г. был создан малый фронтальной театр – «Кляйнес-театр», он обслуживал исключительно офицеров вермахта, а его репертуар составлял лично шеф краснодарского гестапо. Оккупационные газеты пестрили заголовками о возрождении на Кубани старых казачьих традиций. Так, в Краснодаре в ноябре 1942 г. при содействии германского командования возобновил свою деятельность хор кубанских казаков, в Пятигорске – Терский казачий ансамбль под руководством Ландоги. Труппа Украинского драматического театра, организованная в Краснодаре при содействии городской управы, ставила «Запорожца за Дунаем», «Наталку-Полтавку», «Мать Наймычку» [1, с. 73]. Концерты северокавказских исполнителей проходили в отделе пропаганды «Кавказ».

В Пятигорске в театре музкомедии шли оперетты Лекока «Зеленый остров» и «Сорочинская ярмарка». В г. Ставрополе возобновили свою работу филармония и музыкальное училище. В театре «Варьете» выступали известные певцы Белоусов, Зелевский, Орлов, исполнявшие запрещенные советскими властями романсы. В Ставрополе в здании Дома художественного воспитания детей оставшаяся в городе группа артистов ставила спектакли А. Островского.

16 октября 1942 года в г. Ставрополе возобновил свою работу краеведческий музей, уникальные коллекции которого, созданные Г. Праве, В. Лучником, Н. Динником и А. Норманом, были снабжены надписями на русском и немецком языках. Продолжал собирать представителей пятигорской интеллигенции музей – домик Лермонтова. Здесь три раза в неделю проводились музыкально-поэтические вечера и экскурсии, их посещали и военнослужащие вермахта. Анализируя работу различных культурных учреждений, необходимо отметить, что оккупационные власти в первую очередь стремились занять досуг немецких солдат, а уже затем нормализовать культурную жизнь населения оккупированных областей.

Таким образом, на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в своих пропагандистских целях нацисты проводили особую социально-культурную политику. В городах и сельских населенных пунктах данного региона осуществлялись специальные программы в области образования и здравоохранения, религиозной и культурной жизни. Необходимо подчеркнуть, что при аналогичном сравнении с большевистской политикой выводы свидетельствовали о преимуществах нацистского режима. Надо сказать, что идея культурного возрождения на основе немецкого «нового порядка» получила одобрение у значительной части местного населения. Поражения вермахта на фронтах означали одновременно крах нацистской пропаганды и проводимой в регионе социально-культурной политики. Это нашло отражение в преступлениях и злодеяниях, осуществляемых германской армией при отступлении с Северного Кавказа, в том числе и по отношению к учреждениям образования и культуры и ее материальной базе.

Список источников

1. **Болдырев Ю. А., Васильев С. С.** Творческая интеллигенция Северного Кавказа в годы оккупации (1942-1943) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы I региональной научной конференции / науч. ред. С. А. Кропачев; Краснодар. клуб граждан. образования «ТС “Южная Волна”»; Краснодар. краевое отделение общерос. обществ. орг. «Рос. Мемориал». Краснодар, 2003. С. 63-76.
2. **Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).** Ф. Р-1255. Оп. 1.
3. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 6991. Оп. 2.
4. **Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).** Ф. Р-2836. Оп. 1.
5. **Грибков И. В.** Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.): историко-лингвистическое исследование: дисс. ... к.и.н. М., 2016. 262 с.
6. **Кубань.** 1942. 30 сентября.
7. **Кубань.** 1942. 20 октября.
8. **Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: рассекреченные документы; хроника событий:** в 3-х кн. Краснодар: Советская Кубань, 2000. Кн. 1. Хроника событий 1941-1942 гг. 814 с.
9. **Линец С. И.** Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов-на-Дону, 2003. 564 с.
10. **Мальшев А. В.** Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дисс. ... к.и.н. Ростов-на-Дону, 2001. 189 с.
11. **Пятигорск и пятигорчане в Великой Отечественной войне** / ред. А. Е. Шлепак, Г. Д. Попова. Пятигорск: Пятигорская типография имени Анджиевского, 1995. 90 с.
12. **Пятигорское эхо.** 1942. 29 сентября.
13. **Пятигорское эхо.** 1942. 11 октября.
14. **Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.):** документы и материалы / сост. В. Водолажская, М. И. Кривнева, Н. А. Мельник. Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. 175 с.
15. **Ставропольские губернские ведомости.** 1995. 11 февраля.
16. **Ставропольское слово.** 1942. 8 ноября.

CULTURAL POLICY IN THE CONTEXT OF NAZI PROPAGANDA WITHIN THE OCCUPIED TERRITORIES OF STAVROPOL KRAI AND KUBAN IN 1942-1943

Doronina Nataliya Viktorovna, Ph. D. in History
Pyatigorsk State University
natalidor@mail.ru

The article analyzes the special cultural policy of the Nazis within the temporarily occupied territories of Stavropol Krai and Kuban in 1942-1943. On the basis of archival documents, the actions of the new government on the development of health care and education, on the revival of church life are shown. The paper examines the main aspects and implementation of theater activity and cinema by the Germans in the towns and villages of the region. In the North Caucasus, the invaders counted on showing loyalty to the German “new order”. The author concludes that the sociocultural policy that was pursued by the Nazis was approved by a significant part of the local population.

Key words and phrases: “new order”; daily life; spiritual world; cultural policy; propaganda; religious issue; health care; education; arts departments; cinema; theatre life.